

Сегодня, 1995 - 19 авг. - С. 7

Художник-негоциант

В ЦДХ открылась выставка Ивана Айвазовского

Людмила Лунина

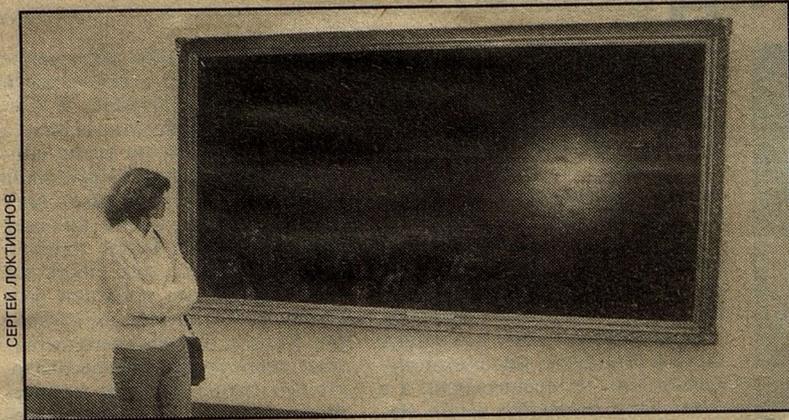

Чтобы показать московским зрителям 26 работ Ивана Константиновича Айвазовского из собрания Феодосийской картинной галереи, организаторам пришлось выполнить все правила организации международных выставок (Крым-то теперь — за граница). Картины были застрахованы на 4,5 миллиона долларов (обычно сумма страховки держится в секрете, но в данном случае ее разгласили — в самом деле, есть чем гордиться). Для транспортировки живописи изготовили специальные контейнеры. Две милицейские машины сопровождали бесценный груз от ворот Феодосийского музея до стен ЦДХ.

Впервые в одном устремлении объединили усилия Министерства культуры Украины и России. Банк «Московия» обеспечил финансовую поддержку — предварительные расходы на выставку составили 75 тысяч долларов. В сравнении с общими суммами входной билет стоит пустяки — пятнадцать тысяч рублей.

По прошествии 95 лет со дня смерти Ивана Константиновича реакция на его творчество, как, впрочем, и реакция на работы практически всех записных классиков — ровная и без эмоций. Трудно понять Александра Бенуа, метавшего когда-то громы и молнии на художника Айвазовского, «разменявшего все свое истинное дарование на продажный вздор», «перешедшего в этом размене все границы приличия» и сделавшегося прямо «рыночным» мастером, как маляры или живописцы вывесок. Александр Бенуа не мог вкладывать в слово «рыночный» однозначно негативный смысл: в те времена жить с продажи картин считалось вполне нормальным. Но даже в контексте развитых арт-рыночных отношений дореволюционной России железная коммерческая хватка Ивана Константиновича была из ряда вон выходящей.

Он родился в Феодосии в 1817 году, его художественный талант рано проявился и был выпестован влиятельными покровителями. Градоначальник Феодосии А. И. Каначеев хлопотал о зачислении Ивана Айвазовского в Академию художеств, которую талантливый юноша блестяще окончил за четыре года — вместо положенных шести. Потом, как водится, были Италия, встречи с Александром Ивановым, между-

СЕРГЕЙ ЛОКТИНОВ

народные выставки, ранний успех, возвращение на родину, работа официальным живописцем при Главном морском штабе страны.

Айвазовскому не было и тридцати, когда он окончательно поселился в Феодосии, где и прожил вплоть до смерти в 1900 году. К родному городу Иван Константинович относился трепетно: построил в Феодосии археологический музей, концертный зал, основал картинную галерею и библиотеку. Умер он, окруженный почетом соотечественников и семьи, оставив, между прочим, на мольберте незавершенную картину.

В памяти потомков Айвазовский — это прежде всего автор бессмертного шедевра «Девятый вал», виртуозный маринист, чрезвычайно искусный в передаче бурь и штелей. Его стиль составляет некий компромисс романтической экзальтации и рационального сухого академизма.

Современники отмечали колоссальную работоспособность Айвазовского. Свое художественное ремесло он эксплуатировал нещадно. Количество созданного им не поддается точному исчислению — где-то около шести тысяч работ. В возрасте семидесяти четырех он мог написать двадцать холстов плюс три десятка акварелей за два месяца. Иван Константинович работал со скоростью конвейера и буквально наводнил рынок своими картинками — любых размеров и видов. Предлагал море всех сортов: в ураган, летним днем, лунной ночью и во время заката. Работы очень успешно продавались. «Негоциантские, всесильные в нем инстинкты» (А. Бенуа) в конце концов окарикутурили действительно сильные стороны его дарования — эпический размах и почти сладострастную чувственность в изображении моря. Весь свой темперамент он выработал в набор ординарных приемов, которые прилежно штамповал до самых последних дней.

Фигура Айвазовского по-своему уникальна: в современном отечественном искусстве ее можно сравнить с другим персонажем, наделенным необоримой витальной силой, всем известным автором Поклонной горы Зурабом Церетели.

Собственно, никаких культуртрегерских амбиций у галереи «Арт-академия», которая и привезла Айвазовского из Феодосии, не было. Как чистосердечно признались на пресс-конференции организаторы, счастливая идея озарила их в тот момент, когда из окна офиса они наблюдали очереди на выставку Сальвадора Дали. Желание показать своего, отечественного Дали побудило их произвести нехитрые расчеты и тут же припомнить самого кассового и массово любимого русского живописца.

Впрочем, сама выставка безукоризненна с точки зрения дизайна. Картины развешаны в огромных пространствах на расстоянии как минимум трех метров друг от друга, и каждая, таким образом, заведомо воспринимается как шедевр. Здесь немало поздних работ, где Айвазовский уже позволял себе не лакировать, но остановиться на подмалевке, а иногда лишь наметить рисунок. Эти непосредственные его живописные опыты необычайно трогательны.

Конечно, странно: зачем понадобилось везти издалека, если в Третьяковской галерее есть 40 работ того же автора, и качество их ничуть не хуже. Но тогда не было бы такого воодушевления: международная (!), первая русско-украинская (!) выставка, и «Арт-академия», собирающаяся торговать антиквариатом, лишилась бы громкой рекламы. Впрочем, весьма символично, что новые негоцианты делают себе имена, показывая популярных и высококвалифицированных художников-негоциантов прошлого.